

Как стать настоящей фейри

АКАДЕМИЯ
МАГИИ
ЗНАНИЯ
СИЛА
СВОБОДА

ELVY

ELVY ELVY

Как стать настоящей феями

<https://litres.ru/74607368>

SelfPub; 2026

Аннотация

Забудьте про старые сказки о феями с крыльями и волшебной пылью! Фарелия Морган родилась без крыльев, а значит официально считается «не совсем феями». Но кто сказал, что это остановит девушку, умеющую делать все легко и с улыбкой? Она умеет учиться без напряжения, сражаться с бытовыми проблемами и собирать вокруг себя людей, которые ей нравятся (и которые совсем не нравятся). Свадьба брата, диковинные домашние традиции и драма с мужчиной, который кажется опасным, но на самом деле просто слишком наглый — это лишь начало ее приключений.

Сможет ли Фарелия превратиться из «изгоя» в настоящую героиню академии, не потеряв при этом голову, сердце и хорошие баллы в зачетке? Или выяснится, что настоящая магия — это вовсе не крылья, а умение находить счастье с тем, с кем его меньше всего ждешь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	51

ELVY

Как стать настоящей фэйри

Глава 1

...в которой я открываю для себя радости провинциальной фэйской жизни.

Приехать в провинцию Зеленых Сумерек ради свадьбы брата? Отличная идея, если хочешь почувствовать себя туристом в собственной семье, лишенным прелестей крыльев и всякого энтузиазма.

Провинция встретила меня теплом позднего июля, невнятным запахом летнего мха и тем особенным ощущением, что цивилизация закончилась где-то три пересадки назад, махнула мне платочком и сказала: «Дальше сама, дорогая». Никогда прежде поездка домой не казалась такой ужасной. Все из-за Лайрена, моего старшего брата, который внезапно решил жениться на девушке из рода Эвиндаэль. И нет, я вовсе не была против любви, брака и прочих возвышенных вещей, из-за которых взрослые люди начинают вести себя так, будто им подсыпали в чай пылицу легкомыслия. Я даже искренне радовалась. Ну, почти искренне. В те редкие

минуты, когда не думала о том, что мне придется провести несколько дней среди родственников, соседей, тетюшек, почтенных феэри с идеальными крыльями и их детей, которые уже в шесть лет умеют порхать над столом, не проливая суп. Я же в шесть лет умела падать со стула так, что потом мне аплодировал дядя Ронвей. Правда, он тогда был пьян от настойки из лунной смородины и аплодировал вообще всему, включая занавески, но факт остается фактом: у каждого таланта своя аудитория.

Добираться до дома оказалось отдельным видом испытания, явно придуманным людьми, которые считают слово «удобство» городским излишеством. В Остренбурге, конечно, давно существовали глайдероны, воздушные рондели, магические капсулы, артефактные линии и прочие чудеса прогресса, о которых студенты академии рассуждали с таким видом, будто лично участвовали в создании цивилизации. Но все эти достижения технической мысли заканчивались примерно там, где начиналась настоящая периферия Ловенхольмского государства, а она начиналась с дороги, на которой магическая капсула внезапно делала задумчивый хрип, зависала на высоте двух локтей над землей и объявляла вежливым женским голосом:

— Дальнейшее следование невозможно по причине нестабильности маршрута. Благодарим за выбор компании «Летучий плющ».

После чего тебя, твой чемодан, три чужих узла, корзину

с курицами и старика, который всю дорогу утверждал, что в молодости летал быстрее любого глайдерона, выгружали у придорожной станции, больше похожей на сарай, который однажды услышал слово «архитектура» и испугался до фундамента.

До родной провинции оставалось еще несколько часов пути, и эти несколько часов я провела в обычной провинциальной повозке, запряженной двумя лошадьми, одна из которых явно презирала человечество, а вторая разделяла ее взгляды, но была слишком уставшей, чтобы выражать это вслух. За вожжами сидел дед с лицом сушеного яблока, бородой цвета дорожной пыли и манерой разговаривать с лошадьми так, будто они задолжали ему деньги.

— Но-о, красавицы! — хрипел он. — Тащите, не разваливайтесь. Тут барышня из академии.

Спасибо, дедушка. Теперь даже лошади знали, что я образованная, беспомощная и потенциально вкусная для дорожных кочек.

Я сидела между женщиной с тремя детьми, корзиной с пирогами, сундуком неизвестного происхождения и почтальоном, который всю дорогу пытался сложить крылья так, чтобы не ударять меня по щеке. Получалось плохо. Каждые пять минут меня задевало то перышком, то локтем, то чемоданом, то чьей-то надеждой на комфорт.

— Простите, — в восьмой раз сказал почтальон, когда кончик его крыла щекотно мазнул меня по носу.

— Ничего, — бодро ответила я. — Всегда мечтала узнать, как чувствует себя письмо в сумке курьера.

Он растерянно моргнул, дети захихикали, а я снова уставилась в окно, если дырку в брезенте можно было назвать окном. Через нее виднелась дорога, поля, медленно темнеющие леса и небо — такое широкое, что в него хотелось бросить все свои проблемы и посмотреть, какие вернутся первыми. Вернулись, конечно, мысли о свадьбе.

Лайрен был старше меня на шесть лет и всю жизнь оставался семейной гордостью. У него были серебристо-зеленые крылья, сильная природная магия, отличная осанка и отвратительная привычка всегда поступать правильно. Если в детстве кто-то должен был вывести младших кузенов из зачарованного болота, это был Лайрен. Если на празднике требовалось произнести речь о достоинстве рода, звали Лайрена. Если кто-то случайно поджег праздничный венок, то все почему-то смотрели на меня, а тушить все равно шел Лайрен. Он был тем самым фейрином, рядом с которым даже моя хаотичность выглядела не милой особенностью, а административным нарушением.

А теперь он женился на Элианне Эвиндаэль.

Ее род был старым, красивым и таким утонченным, что, по слухам, их младенцы не плакали, а издавали мелодичные трели в тон семейному гимну. У них были длинные родословные, перламутровые крылья и традиция подавать гостям напитки в чашах из лунного стекла, чтобы каждый мог по-

любоваться не только вкусом, но и собственным социальным положением. Свадьба, как я заранее знала, будет роскошной, правильной, благоуханной и ужасной. Потому что на таких свадьбах замечают все: кто в чем пришел, кто с кем говорит, у кого новые крылья после сезонной линьки, у кого пыльца ярче, кто слишком громко смеется, кто слишком быстро ест пирожные, а кто до сих пор не отрастил крылья, хотя, казалось бы, родился в приличной семье. Последний пункт, как вы понимаете, был моим личным вкладом в семейную драму.

— Ты фейри? — спросил один из детей рядом, уставившись мне за спину с той жестокой прямотой, которая бывает только у детей, стариков и преподавателей перед зачетом.

Его мать немедленно побледнела.

— Тилиан! Нельзя так спрашивать!

— Почему? — искренне удивился мальчик. — У нее же нет крыльев.

Ах, дети. Цветы жизни. Особенно когда хочется аккуратно посадить такой цветок в дальний горшок и забыть поливать до совершеннолетия.

Я улыбнулась широко и мягко. Именно так улыбаются взрослые девушки, которые уже привыкли, что мир иногда тычет пальцем туда, где и так болит.

— Я фейри, — сказала я. — Просто компактная версия. Для помещений с низкими потолками.

Мальчик задумался.

— А летать как?

— Быстро не бегать по лестницам и надеяться на лучшее.

Он восхищенно открыл рот, будто я только что поведала древнюю тайну выживания. Его мать шепотом извинилась, я махнула рукой и снова отвернулась к дороге. Ничего страшного, правда. Я давно научилась делать вид, что такие вопросы не задевают (задевали, конечно). Но если каждый раз падать лицом в чувства, можно испортить кожу, а кожа у меня, между прочим, была неплохая — спасибо тетиному крему из росы и моему упрямству.

Повозка тряслась, будто дорога состояла не из земли, а из застарелых обид. Дед на козлах ругался с лошадьми, дети спорили, можно ли жениться на русалке, почтальон пытался не сломать себе крыло о мой чемодан, а я все думала о том, что Зеленые Сумерки вообще-то считались прогрессивной провинцией.

Считались.

То есть у нас были артефонные вышки. Одна точно, на холме. Иногда работала, если не шел дождь, не летела пыльца и староста не забывал подкармливать магический кристалл солью. У нас даже имелся общественный глайдеронный причал, построенный три года назад с торжественной речью, ленточкой и обещанием «открыть Зеленые Сумерки для нового века». Через месяц причал закрыли, потому что местные решили, что глайдероны пугают коз, сбивают миграцию светлячков и портят молодежи характер. Молодежь,

по мнению старших, портилась от всего: от глайдеронов, академий, артефонов, городских духов, коротких платьев, длинных платьев, чтения после полуночи и желания добывать воду не из колодца, а из бытового водного артефакта. Последний пункт был особенно болезненным.

В Ловенхоле я привыкла, что вода появляется в умывальнике после одного касания руны: иногда теплая, иногда даже без запаха мха, если руну чистили вовремя. В Зеленых Сумерках вода появлялась в ведре после того, как ты идешь к колодцу, крутишь ворот, тянешь, ругаешься, снова тянешь, случайно пачкаешь платье, а потом слышишь от бабушки:

— Вот видишь, полезно для характера.

Мой характер уже можно было использовать вместо строительного камня.

Зеленые Сумерки вообще жили по принципу: если что-то можно сделать удобно, значит, это подозрительно. Если можно сделать неудобно, долго, с участием двух соседей и одной козы, значит, это традиция. А традиции у нас чтили так, будто они лично спасли провинцию от нашествия эльфийских налоговых инспекторов.

— Скоро будем, — сообщил дед, оборачиваясь так внезапно, что его шляпа чуть не улетела в канаву. — Вон уже сумеречные ели пошли.

Я выглянула наружу, и сердце (предательское, неразумное, сентиментальное сердце) все-таки дрогнуло.

Зеленые Сумерки начинались с леса. Не такого, как воз-

ле Остренбурга, где каждый куст мог оказаться частью учебного процесса, магическим экспериментом или чьей-то диссертацией с приложением в трех томах. Наш лес был мягче, ниже, роднее. Ели здесь и правда казались сумеречными: хвоя у них отливала зеленым, синим и серебристым, а между ветвями висели маленькие светящиеся ягоды, похожие на застывшие капли вечернего неба. В воздухе пахло мхом, теплой корой, речной влагой и чем-то сладким, что всегда появлялось к концу июля, когда сады начинали готовиться к позднему цветению.

Как бы я ни ворчала, как бы ни называла это место глушью, как бы ни мечтала о нормальных дорогах, чистых глайдеронах и умывальниках без ведра — это все равно был дом. Именно поэтому возвращаться сюда было так сложно. В академии я могла быть просто Фарелией Морган: рыжей, шумной, почти всегда веселой, способной достать настойку там, где другие находили только расписание факультативов. В Ловенхоле никто не знал меня маленькой девочкой, которая стояла у окна и ждала, когда у нее, наконец, прорежутся крылья. Никто не видел, как мама заказывала очередного целителя, а папа делал вид, что просто проверяет семейные счета, хотя на самом деле прятал тревогу за очками. Никто не слышал, как соседские девочки шептались: «Она точно фейри?»

В академии я могла влететь в комнату Ниатты с пирожками и настойкой и быть просто проблемой с рыжими волоса-

ми. Дома же я снова становилась «нашей Фарелией».

Повозка подпрыгнула на особенно злобной кочке, и я стукнулась плечом о сундук.

— Ой! — пискнула женщина с детьми. — Вы не ушиблись?

— Нет, что вы, — сказала я, потирая плечо. — Просто проверила, насколько прочна провинциальная логистика.

Дед хохотнул.

— Ничего, барышня, до свадьбы заживет.

— Очень надеюсь, потому что если я появлюсь на церемонии с синяком, мама решит, что я подралась с дорогой и проиграла.

— А ты выиграй, — философски сказал дед. — У нас дороги уважают сильных.

Вот за это я и не любила провинциальную мудрость: звучит глубоко, а на деле означает «держись крепче, дальше будет хуже». К счастью, хуже уже не стало. Повозка наконец выехала из леса, и перед нами открылась долина Зеленых Сумерек.

Дома, увитые лозами. Низкие крыши с травяными гребнями. Светляковые фонари вдоль дороги. Ручей, бегущий через центр поселения, над которым висели деревянные мостики. На дальнем холме — семейный дом Морганов: широкий, светлый, с зелеными ставнями и старой башенкой, которую мой брат в детстве называл дозорной, а я — местом, откуда удобно сбрасывать на кузенов сушеные шишки.

Теперь башенка была украшена свадебными лентами. Вообще ленты были всюду: на деревьях, на заборах, на фонарях, на воротах, даже на старом колодце. Белые, зеленые, серебристые, с вплетенной пылью и маленькими колокольчиками. Провинция готовилась к свадьбе так, будто женился не мой брат, а сам наследник Ловенхольмского государства, причем на древней богине плодородия.

В воздухе уже летали нормальные феири. В смысле, крылатые. Они носились между домами, развешивали гирлянды, поднимали корзины с цветами, спорили над арками, смеялись и зависали в воздухе так естественно, будто гравитация была грубой рекомендацией, а не законом.

Я поправила дорожное платье, пригладила волосы и выпрямилась. Вот и все, Фарелия. Улыбаемся. Дышим. Не завидим. Не падаем в канаву от усталости. Если кто-то спросит про крылья, отвечаем красиво. Если кто-то пожалеет, улыбаемся еще красивее. Если кто-то скажет «бедная девочка», случайно наступаем ему на ногу. Можно дважды — в рамках семейной традиции.

Повозка остановилась у главной площади. Не успела я подняться, как почтальон снова задел меня крылом, один ребенок наступил на подол, корзина с пирогами решила, что хочет свободы, и вся наша небольшая передвижная трагедия начала выгружаться наружу. Я спрыгнула на землю, поймала свой чемодан, который дед кинул мне, будто проверял готовность к взрослой жизни, и огляделась.

— Фарелия!

Голос мамы я узнала бы даже среди хора брачных колокольчиков, ругани повозочного деда и визга тетушки Мирены, которая где-то неподалеку объясняла, что ленты висят «слишком городским образом».

Мама летела ко мне. Именно летела: чуть над землей, легко, с расправленными прозрачными крыльями цвета молодой листвы. На ней было домашнее платье с вышивкой, волосы собраны в мягкий узел, а лицо сияло той особенной материнской радостью, которая через три секунды превращается в осмотр: жива ли дочь, здорова ли, не похудела ли, не подцепила ли в академии дурных привычек и почему опять волосы в разные стороны.

— Мама! — я успела только распахнуть руки.

Она обняла меня крепко, тепло, с запахом вербены и родного дома.

— Наконец-то приехала, — прошептала она. — Дорога была тяжелая?

— Нет, что ты. Чудесная! Я познакомилась с чемоданом, крылом почтальона и философией местных кочек. Думаю, мы теперь духовно связаны.

Мама отстранилась и посмотрела на меня внимательно.

— Ты устала.

— Я вдохновлена провинциальным транспортом, — поправила я.

— Значит, устала.

Матери ужасны тем, что их невозможно обмануть. Особенно если они умеют считывать настроение по тому, как у тебя дергается левый глаз.

Она коснулась моей щеки, потом поправила прядь волос.
— Хорошо, что ты дома.

От этих слов стало тепло и неприятно одновременно, потому что тепло внутри почти всегда соседствует с желанием расплакаться, а плакать на площади под свадебными лентами я не собиралась. Не хватало еще, чтобы тетушка Мирена решила, будто я растрогалась от «силы рода».

— Где Лайрен? — спросила бодро.

— У Эвиндаэлей. Проверяют воздушную арку для церемонии.

Обычная арка, видимо, недостаточно демонстрировала, что у всех присутствующих есть крылья.

— А папа?

— С твоим дядей спорит у амбара, можно ли использовать новый магический охладитель для напитков или лучше поставить бочки в ручей. — Вдохнула мама.

— Дай угадаю: ручей побеждает, потому что охладитель «портит вкус традиции»?

— Твой отец говорит почти так же, только длиннее и с выражением лица, будто защищает государственную границу.

Я рассмеялась. Мама тоже улыбнулась, но тут же оглянулась на мой чемодан.

— Ты взяла платье для предвечернего обряда?

— Я взяла три платья, два запасных, один наряд на случай внезапной смерти репутации и туфли, в которых можно либо выйти к гостям, либо пытаться врагов.

— Хорошо, — серьезно сказала она. — Потому что сегодня вечером будет встреча родов.

Я замерла.

— Уже сегодня?

— Конечно. Завтра церемония, послезавтра семейное благословение, потом общий завтрак, затем малый обряд у ручья.

Я моргнула.

— Сколько мероприятий нужно, чтобы два фейри поженились?

— Уважающие себя фейри не женятся, Фарелия. Они соединяют ветви родов, закрепляют пыльцевую связь, подтверждают воздушное согласие и принимают благословение земли.

— То есть женятся, но делают вид, что это научная конференция с цветами, — я понятиливо кивнула.

Мама вздохнула еще раз.

— Только не говори так при бабушке.

— Я не самоубийца. Я просто без крыльев.

Родительница на секунду замолчала. Совсем на секунду, но я заметила. Вот в этом и была наша семейная беда: я шутила, чтобы не стало больно, а они замолкали, потому что им уже было.

— Фарелия...

— Мам, все в порядке, — быстро сказала я и подхватила чемодан. — Я приехала на свадьбу, а не на собрание общества «Пожалей бескрылую родственницу». Где моя комната? Та же?

— Та же. Только мы поставили туда новый умывальник.

— Магический? — просияла я.

— Деревянный. Очень красивый.

Я скривилась.

— Там рядом кувшин, — добавила мама виновато.

— Прогресс не остановить.

— Фарелия!

— Все, молчу. Восхищаюсь кувшином. Почти летаю от счастья!

Мы пошли вверх по дорожке к дому. Я тащила чемодан, мама порхала рядом и пыталась делать вид, что не хочет его забрать. Я делала вид, что не замечаю. Идиллия семейной независимости: одна страдает молча, другая уважает страдание, но явно считает его глупостью.

По пути нас перехватила первая родственница. Разумеется, тетушка Мирена. Она появилась из-за цветочной арки, как дух семейного контроля: высокая, тонкая, с острыми чертами лица, крыльями цвета старого золота и взглядом, которым можно было просушить белье без солнца.

— Фарелия! — протянула она. — Приехала!

— Тетушка Мирена, — улыбнулась я. — Как видите, тра-

диционная земля Зеленых Сумерек все еще меня принимает. Хотя дорога пыталась отговорить.

Ее взгляд скользнул по моему лицу, волосам, дорожному платью и, конечно, спине. Я даже мысленно услышала, как в ее голове открывается папка «Деликатные замечания, которые все равно звучат как удар».

— Ты стала взрослее, — сказала она наконец.

— Спасибо. Академия старит быстрее, чем неудачный брак.

Мама подавилась воздухом. Тетушка Мирена хмыкнула.

— Надеюсь, в академии тебя учат не только остроумию.

— Конечно. Еще выживанию, дисциплине и тому, как отличить условно-хищную флору от преподавателя в плохом настроении, — любезно поделилась я.

— Фарелия изучает сложные природные практики, — поспешно вставила мама.

— Похвально, — сказала тетушка. — Для девушки в твоём положении особенно важно иметь пользу.

Вот оно! Если у фейри нет крыльев, она должна хотя бы быть полезной: варить, лечить, не мешать, улыбаться, не занимать проход и не портить семейные портреты отсутствием сияющих перепонок за плечами.

Я улыбнулась так сладко, что у тетушкиной совести, будь она жива, начался бы кариес.

— Я стараюсь, тетушка. В Ловенхоле говорят, что при должном усердии даже болотный мох может раскрыть потен-

циал.

— Это о тебе так говорят? — уточнила она.

— Нет, о мхе. Но я тоже вдохновилась.

Мама мягко взяла меня под локоть.

— Нам пора. Фарелии нужно отдохнуть с дороги.

— Конечно, конечно, — кивнула тетушка Мирена. — Вечером будь готова к встрече родов. И, милая, выбери что-нибудь... с закрытой спиной.

Вот за что я любила родственников: они никогда не упускали возможности ткнуть в болезненное место, но делали это с такой заботой, что формально их нельзя было ударить свадебным венком.

Я наклонила голову.

— О, я как раз думала над платьем с открытой спиной. Чтобы все видели, что я экономлю на пыльце.

Мама издала звук, похожий на кашель и молитву одновременно. Тетушка Мирена явно не поняла, шучу я или оскорбляю ее представления о приличии. На всякий случай она решила оскорбиться заранее.

— Фарелия...

— Шучу, тетушка. Надену приличное. Почти без угрозы общественному порядку.

Когда дом Морганов вырос передо мной во всей своей зеленостворчатой красе, я вдруг почувствовала, что устала сильнее, чем думала. Здание украшено к свадьбе щедро, как

будто мама решила компенсировать все тревоги лентами. Над входом висела арка из белого вереска и сумеречных колокольчиков, по перилам лестницы бежали серебристые лозы, в окнах мерцали крохотные фонари, а на крыльце стояла бабушка. Маленькая, сухонькая Айвена Морган с идеально прямой спиной, прозрачными крыльями в тончайших прожилках и посохом, которым она, по семейной легенде, однажды прогнала трех пьяных эльфов и одного жениха тетушки Мирены. Причем жених, как утверждали очевидцы, бежал быстрее эльфов.

— Приехала? — изогнула бровь бабушка.

— Приехала, — подтвердила я.

Она смерила меня взглядом с головы до ног, потом кивнула.

— Еще рыжая.

— Стараюсь сохранять семейные ценности, — язвительно заметила я.

— Язык тоже при тебе?

— К сожалению для общества, да.

Бабушка хмыкнула и вдруг протянула руку. Я подошла, наклонилась, и она крепко поцеловала меня в лоб.

— Хорошо, что приехала, пташка.

Одно слово, и защита треснула. Так она называла меня в детстве, когда я еще верила, что крылья просто задерживаются, как некоторые родственники на обед. Тогда это звучало как обещание, потом стало больно, а теперь... теперь я

просто улыбнулась, потому что бабушка была единственной, кто произносил это без жалости.

— Я привезла тебе настойку из Ловенхоля, — шепнула я. Ее глаза оживились.

— Крепкую?

— Фарелия! — возмутилась мама.

— Лечебную, — быстро исправилась. — Очень лечебную. После нее хочется лечь и забыть все болезни.

Бабушка удовлетворенно кивнула.

— Хорошая девочка.

Вот видите? В семье меня хотя бы кто-то понимал.

Мама отвела меня в комнату. Та действительно была прежней: маленькая, светлая, с окном на сад и деревянной кроватью, над которой все еще висел старый амулет от дурных снов. На подоконнике стояли горшки с лунной геранью, в углу — тот самый «новый умывальник»: деревянный, красивый и абсолютно немагический. Рядом гордо стоял кувшин.

— Мы с тобой еще поговорим, — сказала я ему.

— С кем? — спросила мама.

— С будущим источником цивилизационного конфликта.

Она вздохнула и поставила мой чемодан у кровати.

— Отдохни немного. Через час придет портниха проверить платье для вечера.

— Через час? Мама, я только приехала!

— Именно поэтому через час, а не сейчас. Я проявляю

мягкость, — настояща родительница.

— Теперь понятно, от кого Лайрен унаследовал жестокость.

Мама улыбнулась, но не ушла сразу. Она задержалась у двери, теребя край рукава.

— Фарелия, я знаю, тебе будет непросто.

— Мам...

— Нет, дай сказать! — перебили меня. — Будет много гостей, много разговоров. Люди бывают бестактны, особенно когда уверены, что заботятся.

— Ничего страшного. Я умею улыбаться так, что у них потом вянет уверенность.

— Я серьезно.

Я села на кровать и посмотрела на нее. Мама выглядела усталой. Не свадебно взволнованной, не суетливой, а именно усталой. Наверное, вся свадьба давила и на нее тоже: соединение родов, ожидания, Эвиндаэли, гости, бабушка, тетушка Мирена, я.

— Со мной все будет хорошо, — сказала я мягче. — Я же справляюсь. Даже если на мне горит рукав, брат женится на девушке с родословной длиннее налогового свитка, а вся провинция считает, что отсутствие крыльев — это повод говорить тише и смотреть печальнее.

Мама подошла и обняла меня снова.

— Ты не обязана все время шутить.

— Иначе начну кусаться, — я уткнулась ей в плечо.

— В детстве ты кусалась и шутила.

— Я развиваюсь. Теперь только шучу.

Она рассмеялась, поцеловала меня в макушку и наконец вышла. Я осталась одна.

Комната была тихой. За окном шумел сад, где уже суетились феи, подвязывали цветочные гирлянды, проверяли светляковые фонари и спорили о том, достаточно ли торжественно выглядит дорожка к церемониальному кругу. Где-то внизу брат, наверное, ходил красивый и счастливый. Где-то там была его невеста — идеальная Элианна Эвиндаэль, которую я пока видела только на портретном артефоне: нежное лицо, светлые волосы, крылья как перламутровые лепестки.

Я сняла дорожные сапоги, легла на кровать прямо поверх покрывала и уставилась в потолок. Что ж... Я приехала домой на свадьбу брата, в провинцию, где воду добывают из колодца, глайдероны считают эльфийской глупостью, а феи без крыльев все еще воспринимают как недописанную версию приличной девушки.

Глава 2

...в которой меня украшают как праздничный куст, а родовые клятвы оказываются не такими скучными, как хотелось бы.

Если кто-нибудь когда-нибудь скажет вам, что час сна после дороги способен вернуть силы, плюньте ему в чай, потому что час сна после провинциальной повозки, дорожных кочек и детских вопросов о твоей видовой полноценности возвращает не силы, а только способность понимать, что ты все еще жива и, к сожалению, должна встать.

Я проснулась ровно через час, потому что в дверь постукали так деликатно, будто собирались принести мне завтрак в постель, а не отдать в руки женщины с иглами.

— Фарелия? — раздался мамин голос. — Портниха пришла.

Я открыла один глаз. Потолок смотрел на меня с деревянным равнодушием. Лунная герань на подоконнике выглядела бодрее меня, что я сочла личным оскорблением со стороны флоры.

— Скажи ей, что я умерла от семейных традиций, — пробормотала я в подушку.

— Она сказала, что мертвых тоже можно подшить по фигуре, — невозмутимо ответила мама из-за двери.

Вот это и было страшно. В Зеленых Сумерках смерть не освобождала от обряда, если платье уже готово.

Через пять минут я стояла посреди комнаты в нижней сорочке, с видом мученицы моды, а вокруг меня порхала госпожа Лорина — местная портниха, женщина крошечного роста, с огромными фиолетовыми крыльями и таким количеством булавок на запястье, что ею можно было оборонять поселение от набега разбойников. В детстве я боялась ее больше, чем лесных духов, потому что духи хотя бы могли просто напугать, а госпожа Лорина всегда говорила: «Повернись, милая», и после этого начиналась настоящая боль.

— Вытяни плечи, — велела она, дернув ткань у меня на спине.

— Я их вытянула еще на дороге, когда пыталась удержать чемодан и достоинство одновременно.

— Достоинство плохо сидит в талии, — отрезала портниха. — А вот платье должно сидеть хорошо.

Платье для предвечернего обряда уже было готово. То есть, по меркам обычного человека — готово. По меркам феири — ему не хватало примерно сорока лент, трех слов блестящей пылицы, двух десятков крошечных подвесок и чего-то, что госпожа Лорина называла «световым дыханием ткани», а я — «еще один способ сделать из девушки праздничный куст».

Платье светло-зеленое, мягкое, с серебристой вышивкой по подолу и рукавам. Ничего ужасного, если бы его просто

оставили в покое, но портниха явно считала покой врагом красоты. Она добавляла ленты на плечи, тонкие сияющие нити вдоль лифа, крохотные бусины вокруг выреза и блески, которые, по ее словам, «подчеркивали природный свет рода Морганов». Мой природный свет рода Морганов на тот момент хотел только лечь обратно на кровать и не двигаться до следующего века.

— Не сутулься, — сказала госпожа Лорина, прикалывая очередную ленту.

— Я не сутулюсь, — зевнула я. — Я скорблю.

— Скорбеть будешь после обряда. Сейчас стой красиво.

Полностью отдавшись во власть женщины с иглами, я решила, что раз уж телом распоряжается портниха, то душу можно спасти хотя бы перепиской. Слава светлым колодцам и не совсем умершей цивилизации, артефон здесь ловил. В Зеленых Сумерках связь была с переменным успехом, но сегодня, видимо, в честь свадьбы брата, местная вышка решила не позорить провинцию окончательно. Да, сигнал иногда дрожал, но сообщения отправлялись. Почти курорт, если на курортах носят воду из кувшина и считают глайдероны моральной угрозой козам.

Я достала артефон, устроила его на ладони и написала Ниатте.

Ниатта Тенебрис была моей подругой по Ловенхольмской академии, ходячей катастрофой в шелковых лентах и девушкой, которая поступила в академию магии с целью настолько

честной, что почти казалась благородной: найти себе мужа. Учиться она изначально не собиралась вообще. То есть формально у нее были тетради, перья, расписание и даже выражение лица «я внимательно слушаю», но внутри прекрасной оболочки жила мысль: «А есть ли у преподавателя сын?». Ниатта могла провалить зачет по основам природы, но при этом составить список потенциальных женихов по степени опасности, богатства и выразительности скул. Она умела кокетничать так, что даже условно-хищная флора начинала сомневаться в своих намерениях, а ее уверенность в себе можно было разливать по флаконам и продавать первокурсникам перед балом.

Впрочем, в итоге эта же Ниатта каким-то невероятным образом (и вероятным ухажером) не только не вылетела из академии, но и умудрилась влюбить в себя магистра Мервана — самого хмурого друида в радиусе трех лесов, мужчину с лицом древнего каменного алтаря и эмоциональной выразительностью хорошо воспитанной ели. После первого семестра, в течение которого она пыталась его завоевать с упорством боевой лианы, они уже полгода встречались, а на каникулы Ниатта уговорила родителей отпустить ее сначала на полмесяца в поместье магистра Мервана, а потом уже домой, в Норвалль.

Я: *«Я добралась и даже жива! Дорога пыталась убить, но я отбилась плечом о сундук. Спала ровно час, теперь меня обшивают лентами для предвечернего обряда. Я до сих*

пор не поняла, зачем он нужен...»

Сообщение ушло не сразу. Артефон задумался, мигнул зеленым огоньком, потом все-таки выдал тихий звон. Почти цивилизация. Я чуть не прослезилась.

Ответ пришел через полминуты.

Нуатта: *«О, ты дома! Держись! Семейные обряды существуют, чтобы женщины могли страдать красиво, а мужчины делали вид, что понимают символизм.»*

Ленты терпи. Их всегда можно использовать как оружие или повод для драматичного жеста»

Я: *«Меня сейчас используют как основу для свадебной гирлянды. На мне уже столько блестяшек, что если вечером погаснет свет, я смогу заменить три фонаря.»*

Нуатта: *«Главное, стой под правильным углом (ω) »*

Я фыркнула, и госпожа Лорина немедленно ткнула меня пальцем в бок.

— Не дергайся.

— Я не дергаюсь, я поддерживаю эмоциональную связь с внешним миром.

— Поддерживай неподвижно.

Портнихи — отдельный вид магических существ. Они не летают, они нависают; не колдуют, а прикалывают; не угрожают, а говорят: «Еще чуть-чуть потерпи», после чего ты понимаешь, что войны, вероятно, начинаются именно с этой фразы.

Я снова уставилась в артефон.

Я: «Как ты? Как поместье Мервана? Ты уже проверила, сколько у него сервизов, где сад, как стоит мебель и можно ли там жить в качестве будущей хозяйки?»

Ответ пришел не сообщением, а целой очередью. Артефон зазвенел так часто, что госпожа Лорина посмотрела на него с подозрением, будто он мешал творческому процессу.

Нуатта: «ФАРЕЛИЯ!

Это не дом. Это испытание моей выдержки.

У него РЕАЛЬНО органический особняк у леса (' `) #

Я уже нашла три места, где нужны новые занавески. В старых нет души. И еще гостиная слишком серьезная. Там явно не хватает мягких кресел, светлого ковра и моего портрета (^_~)»

Я: «Ты у него всего сколько дней?»

Нуатта: «Третий»

Я: «И уже мысленно делаешь ремонт?»

Нуатта: «Не мысленно. Я составила список (=^ ### ^=)»

Я: «Он знает?»

Нуатта: «Пока нет. Я берегу его нервную систему (# #)

Он утром поливал какой-то редкий куст и выглядел так, будто обсуждает с ним государственные тайны. Я решила, что сначала занавески, потом разговор о перепланировке эмоционального пространства»

Я зажала рот ладонью, чтобы не рассмеяться слишком громко, потому что госпожа Лорина в этот момент приши-

вала мне очередную серебряную ленту к рукаву. Если бы я дернулась, меня могли бы пришить к собственной судьбе.

Я: «Мерван все еще говорит как учебник?»

Нуатта: «Ага. Сегодня сказал: "Не трогай лозу у западной стены, она реагирует на импульсивность. Я спросила, реагирует ли она на помолвочные намеки. Он просто посмотрел, но я почти услышала, как его внутренний орден пишет рапорт # (# _l»

Я: «Ты неисправима»

Нуатта: «Я улучшаема. Это другое.

Но мне тут ужасно нравится! Даже слишком (° °) # *:. # . . # . : *

У него тихо, красиво, все пахнет травами, деревом и его невозможным спокойствием. Я думала, заскучаю, а оказалось, что можно весь день смотреть, как мужчина пересаживает антарийскую лозу, и считать это культурной программой»

Я: «Звучит опасно»

Нуатта: «Звучит как любовь, моя хорошая (^_<)

Опасно было, когда я решила помочь и перепутала удобрение с укрепляющим порошком для волос. Один куст теперь блестит. Энтан сказал, что это непредусмотренная декоративная мутация. Я считаю, он просто завидует»

Я: «Он тебя выгнал из сада?»

Нуатта: «Нет. Дал перчатки. Это почти предложение руки и сердца на его языке»

Я улыбалась в артефон и вдруг стало легче. Ниатта далеко, в доме у своего мрачного друида, среди занавесок и будущих планов ремонта, но стоило ей написать пару фраз, как моя комната перестала казаться клеткой перед семейным парадом. В академии мы все как-то странно привыкли друг к другу: Ниатта с ее брачными стратегиями, Лисетта с вечными трактатами и тревожным взглядом, я с пирожками, настойкой и привычкой влетать в комнаты без стука. И сейчас, стоя посреди родной комнаты, обвешанная лентами, я неожиданно остро поняла, что очень скучаю по ним.

Я: *«Вечером у нас встреча родов. Мама говорит, это важный предвечерний обряд, но я подозреваю, что это просто репетиция свадьбы с дополнительной возможностью для тетушек осуждать платье»*

Ниатта: *«Все обряды — это возможность для тетушек осуждать платье. Просто иногда при этом еще жеснятся»*

Я: *«Если выживу, напишу. Если нет, завещаю тебе мой артефон и право сказать тетушке Мирене, что ее крылья выглядят устало»*

Ниатта: *«С удовольствием. Держись (°) # (°) »*

Я хотела ответить что-то такое же бодрое, но в этот момент госпожа Лорина резко отступила на шаг, прищурилась и сказала:

— Готово.

Я посмотрела в зеркало и замолчала, потому что обычно

молчу только в трех случаях: когда сплю, когда ем что-то очень вкусное и когда понимаю, что меня все-таки сделали красивой вопреки моему сопротивлению.

Платье сияло не кричаще, а мягко, как светляки в сумерках. Ленты на плечах оказались тонкими и воздушными, они не изображали отсутствующие крылья, за что я была портнихе почти благодарна, а просто спадали вдоль спины серебристо-зелеными потоками. Блестки на лифе мерцали при каждом движении, вышивка по подолу напоминала ветви молодой лозы, а рукава были такими легкими, будто их соткали из вечернего тумана.

— Ну? — спросила госпожа Лорина с видом полководца, ожидающего признания победы.

— Я похожа на приличную дочь приличного рода, — сказала осторожно. — Это тревожит.

— Ты похожа на себя, только праздничную, — поправила она.

Я не сразу нашлась, что ответить. Иногда люди говорят простые вещи так неожиданно, что вся твоя заготовленная ирония падает в колодец и оттуда обиженно булькает.

— Спасибо, — сказала я наконец.

— Не крутись слишком резко, — велела портниха. — Ленты выдержат, но твоя репутация — не уверена.

И ушла, оставив после себя запах лавандового мыла, об-резки ниток и ощущение, что я пережила маленькую войну и вышла из нее блестящей.

Я как раз откладывала артефон на стол, когда дверь снова открылась. На пороге появилась мама. Она остановилась, посмотрела на меня и на несколько секунд совершенно забыла, зачем пришла.

— Фарелия...

— Если скажешь, что я похожа на невесту, я выпрыгну в окно.

— Нет, — мама улыбнулась. — Ты похожа на дочь, которой я горжусь.

Вот зачем она так? Честно. С родственниками невозможно держать оборону, если они вдруг перестают делать замечания и начинают любить тебя в лицо.

Я быстро отвернулась к зеркалу, будто проверяла ленту.

— Это платье виновато. Оно подкупает зрителей.

Мама подошла ближе, поправила одну из серебристых нитей у меня на плече и сказала:

— Скоро начнется обряд. Пора спускаться.

— Напомни мне еще раз, зачем он нужен? Кроме того, чтобы все посмотрели, как два рода торжественно волнуются.

— Предвечерний обряд проводится накануне свадьбы, — терпеливо объяснила мама. — Жених и невеста дают первые клятвы перед семьями. Они подтверждают, что входят в союз добровольно, принимают родовые ветви друг друга и готовы к завтрашнему соединению.

— То есть это как пробный поцелуй перед настоящим

скандалом? — я изогнула бровь.

— Фарелия!

— Молчу.

— После клятв родовые метки закрепятся на их запястьях, — продолжила мама. — У каждого рода свой узор, но при обряде они переплетаются. До свадьбы метки будут временными, а завтра, после главного благословения, станут постоянными.

— Татуировка перед свадьбой, — задумчиво проямлила я. — Смело. В городе за такое хотя бы дают бокал вина.

— Здесь тоже дадут, если ты будешь вести себя прилично.

— Значит, надежда есть.

Мама посмотрела на меня так, как смотрят на дочерей, которым уже поздно читать нравоучения, но еще хочется попробовать.

Дом шумел и находился в том особенном предсвадебном состоянии, когда каждый предмет либо уже украшен, либо скоро пострадает. По лестнице сновали кузины с корзинами цветов, внизу кто-то спорил о расположении свечей, из кухни доносился запах медовых лепешек, пряной зелени и паники. Возле дверей тетушка Мирена инструктировала двух молодых фейри так строго, будто они готовились не нести венки, а штурмовать крепость.

Я успела сделать три шага, прежде чем меня перехватил папа.

Отец стоял у окна в светлом праздничном камзоле и очками на переносице. Его крылья, темно-зеленые с золотистыми прожилками, были аккуратно сложены за спиной. Увидев меня, он просиял так, будто я не просто спустилась по лестнице, а вернулась из героического похода с головой дракона и зачеткой без долгов.

— Фарелия!

Я тут же оказалась в объятиях, пахнущих древесной смолой, чернилами и домом. Папа обнимал так, словно я все еще маленькая и могу спрятаться у него за локтем от соседских девочек, которые спрашивали, почему у меня нет крыльев. И в этом было столько нежности, что я почти простила ему ручей вместо охладителя.

— Папа, осторожно, — пробормотала ему в плечо. — На мне ленты. Если они запутаются, портниха объявит вендетту.

— Ты прекрасна, — сказал он, отстраняясь и оглядывая меня с гордостью, от которой хотелось одновременно улыбаться и спрятаться под стол. — Совсем взрослая.

— Ужасно, правда? Еще немного и начну обсуждать налоги.

— Не торопись, — серьезно сказал отец. — Взрослые разговоры портят цвет лица.

— Вот теперь понятно, откуда у меня мудрость.

Он рассмеялся, потом взял меня за руки.

— Как учеба? Ты писала, что занятия сложные, но тебе

нравится.

Я чуть не подавилась воздухом. Вот она, опасность родительской любви: они верят твоим письмам. А в письмах, как известно, любой студент выглядит лучше, чем в жизни. Особенно если пишет после удачно сданного зачета и не упоминает три провала до него.

— Учеба... насыщенная, — начала я. — Иногда настолько, что хочется лечь лицом в конспект и впитать знания через кожу.

— Ты всегда была способной, — уверенно заявил папа. — А друзья? Ты с кем-то подружилась?

— Да, конечно! У меня есть друзья, но больше всего я дружу с двумя девушками, — оживилась я. — Лисетта, к примеру, очень умная, добрая и переживает обо всем, а Никатта — она... — Я задумалась, подбирая приличное определение, — стратегически одаренная.

— В учебе? — папа улыбнулся.

— В жизни, — кивнула. — Особенно в части мужчин, платьев и выживания среди преподавателей.

Родитель моргнул, но решил, что это академическая шутка. Родители вообще часто спасаются тем, что считают странные фразы своих детей шутками.

— Хорошо, что ты не одна, — мягко сказал он. — Я рад, что академия тебе подходит.

Я улыбнулась.

Подходит ли мне академия? В Ловенхоле я была почти

свободной. Там отсутствие крыльев не исчезало, конечно, но отходило на второй план, потому что у всех хватало собственных странностей. Кто-то взрывал котлы, кто-то влюблялся в магистра, кто-то разговаривал с лианами, кто-то по ночам искал библиотечные призраки. На их фоне бескрылая фейри была не трагедией, а просто еще одной студенткой. Дома же все было иначе. Здесь мой позвоночник сразу вспоминал, что за спиной ничего нет.

— Мне подходит, — пробормотала я наконец.

Папа сжал мои пальцы, будто услышал то, что я не сказала.

— Я знал, что ты справишься.

Я хотела пошутить. Например, сказать, что справляюсь в основном за счет сахара, чужих конспектов и упрямства. Но почему-то не стала.

— Спасибо, пап.

Нас спасла мама, которая появилась рядом с выражением главнокомандующего семейным мероприятием.

— Пора. Все уже собираются у вечернего круга.

— А напитки? — спросил отец.

— В ручье, — сухо ответила мама.

Папа просиял.

— Я же говорил!

— Да, дорогой, — мама закатила глаза. — Традиция победила охладитель. Идем.

Вечерний круг находился в саду за домом, там, где старые

сумеречные ели образовывали почти правильное кольцо, а между ними проходила узкая дорожка к ручью. Сейчас все выглядело так красиво, что даже моя внутренняя ворчунья на секунду присела и замолчала. Светляковые фонари висели на ветвях, белый вереск обвивал деревянные стойки, серебряные ленты мягко покачивались в воздухе, а над травой стелился тонкий туман, пахнувший мятой и вечерней росой. Гости уже собрались.

Фейри всегда умеют выглядеть так, будто родились для торжественных обрядов. Крылья переливались в сумерках: золотые, зеленые, голубые, прозрачные, перламутровые. Кто-то зависал над землей, кто-то стоял на траве, кто-то поправлял венки, кто-то шептался, и все это вместе создавало ощущение, будто сад наполнился живыми драгоценностями. Очень красиво и благородно, но очень неудобно для одной фейэлы, который не может просто подняться над толпой и посмотреть, где стоят пирожные.

Я заняла место рядом с родителями и бабушкой. Бабушка Айвена оглядела меня, одобрительно кивнула и шепнула:

— Блестишь.

— Портниха победила, — шепнула я в ответ.

— Бывает. Главное, чтобы не характер.

— Его она пыталась заколоть булавками, но не успела, — добавила я и скорчила рожицу.

Бабушка хмыкнула.

На противоположной стороне круга стояли Эвиндаэли. И

вот там, конечно, начиналась другая степень сияния. Если Морганов можно было назвать уютным, крепким, зеленым родом с любовью к традициям и подозрением к магическим охладителям, то Эвиндаэли выглядели так, будто их веками полировали лунным светом. Светлые одежды, тонкие украшения, идеальные прически, крылья, переливающиеся жемчугом и серебром. У них даже молчание было аристократическим. Наше семейное молчание обычно означало, что кто-то съел последний пирог и не признается.

И среди этой светлой безупречности стояла она — Элианна. Невеста моего брата оказалась красивее, чем на портретном артефоне. Конечно, артефоны вообще редко передают ту степень нежности, при которой обычный человек начинает сомневаться, не слишком ли громко он дышит. У Элианны были светлые волосы, собранные в мягкую косу с жемчужными цветами, тонкое лицо, большие серые глаза и крылья цвета утреннего перламутра. Она казалась хрупкой, но держалась прямо, спокойно, с тем особым достоинством, которое не требует громкости.

Рядом стоящий с ней Лайрен выглядел счастливым. Серебристо-зеленые крылья были расправлены, лицо мягче обычного, взгляд прикован к Элианне так, будто вокруг не было ни гостей, ни родов, ни бабушки с посохом, ни меня, готовой оценить все происходящее с сестринским скепсисом. Он смотрел на нее, как на чудо, которое почему-то согласилось стоять рядом. И тут у меня предательски сжалось серд-

це.

Лайрен, конечно, был семейной гордостью, эталоном ответственности и фейрином, из-за которого меня в детстве слишком часто сравнивали с идеалом. Но он был еще и моим братом, который вытаскивал меня из лужи, когда я пыталась доказать кузенам, что могу прыгать «почти как с крыльями»; который однажды подрался с мальчишкой из соседнего дома, потому что тот назвал меня «недофейри»; и который приносил мне яблочные лепешки после визитов целителей, когда я делала вид, что мне все равно.

И вот он стоял рядом с девушкой, которую любил.

— Не реви, — шепнула бабушка.

— Я не реву, — шепнула в ответ сдавлено. — У меня блеска попала в чувство собственного достоинства.

Обряд начался с тихого звона колокольчиков. Из круга вышла старшая хранительница рода Эвиндаэль — высокая женщина с серебряными волосами и крыльями, похожими на тонкий лед. С нашей стороны выступила бабушка Айвена, опираясь на посох. Я невольно выпрямилась. Бабушка была маленькой, но когда она выходила в круг, даже самые рослые фейри начинали выглядеть так, будто им срочно нужно вести себя прилично.

— Сегодня, — произнесла хранительница Эвиндаэлей, — два рода встречаются в предвечерии союза. Еще не под полной луной брачной клятвы, но уже под светом выбора.

Я едва удержалась, чтобы не повернуться к папе и не спро-

силь, можно ли это перевести на обычный язык. Но рядом стояла мама, а у мам есть особое умение слышать даже невысказанное неприличие.

— Лайрен Морган, — продолжила бабушка, — Элианна Эвиндаэль. Выйдите в круг.

Сумеречная трава под их ногами засияла мягким зеленым светом. Ленты на стойках дрогнули, светляки поднялись выше, образуя над кругом мерцающий купол. Красиво, да. Если бы я была более возвышенной натурой, уже начала бы думать о вечности. Но я была собой, поэтому подумала, что если завтра на свадьбе будет еще красивее, то тетушка Мирена точно расплачется и сделает вид, что это аллергия на вереск.

Лайрен протянул руку Элианне. Она вложила свою ладонь в его, и я заметила, как у брата дрогнули пальцы. Вот это было неожиданно. Лайрен, который мог спокойно стоять перед рассерженным отцом, горящим амбаром и тремя орущими кузенами, волновался. Любовь, как выяснилось, опаснее амбара.

— Произнесите предвечерние клятвы, — сказала хранительница.

Брат первым повернулся к Элианне.

— Я, Лайрен из рода Морганов, принимаю твой свет в преддверии нашего союза. Обещаю идти рядом не только в дни торжества, но и в дни тишины. Обещаю помнить, что ветви сильны не потому, что тянутся вверх, а потому, что держатся за корни. До завтрашней клятвы и после нее — мой

выбор остается твоим.

Сад замолчал. Даже я замолчала, что многое говорило о качестве речи.

Элианна смотрела на него так, будто он только что подарил ей не слова, а целый дом, полный тепла. Потом ответила.

— Я, Элианна из рода Эвиндаэль, принимаю твою землю в преддверии нашего союза. Обещаю хранить не только свет, но и тень; не только радость, но и усталость. Обещаю не бояться твоей силы и не прятать свою. До завтрашней клятвы и после нее — мой выбор остается твоим.

Ну прекрасно! Теперь мне хотелось одновременно аплодировать, плакать и съесть что-нибудь сладкое.

Бабушка и хранительница подняли руки. В воздухе между Лайреном и Элианной вспыхнули две тонкие серебристые нити. Они потянулись к их запястьям, обвились вокруг кожи, сплелись узором из ветвей и крыльев. Метки проявлялись медленно: сначала легкое сияние, потом тонкие линии, потом серебряная татуировка, будто нарисованная лунным чернилом. На запястье Лайрена знак Эвиндаэлей переплелся с нашим родовым листом. На запястье Элианны ветвь Морганов легла вокруг воздушного символа ее рода.

Временные метки до свадьбы. Завтра они станут постоянными.

Почему-то именно это оказалось самым сильным моментом. Видимое доказательство того, что два фейри решили: «Да, вот так. Вот с ним. Вот с ней. Перед взглядами род-

ственников». Странная вещь любовь... Делает людей смелыми и немного безумными.

Я смотрела на счастливое лицо брата, на Элианну, которая тихо улыбалась, и вдруг мой взгляд зацепился за рыжую макушку в стороне Эвиндаэлей. Нет, не просто рыжую. Нагло рыжую!

Некоторые люди стоят в толпе незаметно, некоторые — благородно, а некоторые умудряются стоять так, будто даже воздух вокруг них должен признать поражение. Тайрен Эвиндаэль относился к последним. Высокий, стройный фейри с крыльями, переливающимися всеми оттенками серебра и нежного зеленого. Он выглядел так, будто его создали специально для того, чтобы раздражать окружающих эстетически безупречным образом. Рыжие волосы, небрежно убранные назад, слишком уверенная осанка, светлая праздничная одежда и то самое выражение лица — хамоватое, самодовольное, с легким намеком: «Да, я знаю, что вы меня заметили. Можете не благодарить». Вот кого мне не хватало для полного счастья! Я даже на секунду забыла, что идет обряд.

Что он здесь делает? Хотя вопрос глупый. Лучший друг моего брата (или, как я называла это в детстве, сообщником по мужским глупостям), а по совместительству кузен невесты, разумеется, не мог пропустить такое событие. Особенно если там можно было красиво стоять, язвить кому-нибудь под руку и демонстрировать свои возмутительно переливающиеся крылья.

Тайрена я знала с детства и не любила тоже с детства, что очень удобно: не нужно было тратить время на переоценку. Я считала, что он — это испытание, посланное мне предками за грехи, совершенные, вероятно, еще до моего рождения. Он был из тех мальчишек, которые всегда лезут первыми на дерево, первыми ныряют в ручей, первыми находят запретную тропу, а потом еще смотрят на тебя так, будто ты сама виновата, что пошла за ними. Только за такое уже хотелось сделать что-то опасное. Например, запустить в него яблоком. Или учебником. Или собой, с разгона.

В отличие от многих, он никогда не трогал тему моих крыльев. И это, пожалуй, было единственное, за что я не пыталась в детстве столкнуть его в крапиву чаще. Зато он умел другое. Он мог сказать: *«Фарелия, ты опять споришь с дверью? Дверь выигрывает»*. Или: *«Если ты собиралась сделать это изящно, предупреждай заранее, я отвернусь из уважения»*. Или, мое любимое: *«Ты всегда такходишь, как будто мир должен был подготовиться?»*. Мерзавец! Причем красивый мерзавец, что всегда усугубляет преступление.

Пока клятвенные нити окончательно закреплялись на запястьях Лайрена и Элианны, Тайрен вдруг повернул голову и, конечно же, нашел меня взглядом, как будто у него был встроенный артефакт поиска моих нервов. На его губах появилась улыбка фейрина, который уже придумал три замечания и выбирает, какое будет большее, но приличнее для

семейного обряда.

Я сузила глаза. Он едва заметно наклонил голову, будто приветствуя меня. Я ответила самой вежливой улыбкой из доступных. Такой, после которой в академии Ниатта обычно спрашивала: «Кого хороним?».

Тайрен улыбнулся шире. *Вот гад.*

— Ты чего скривилась? — прошептала бабушка, не глядя на меня.

— Встретила призрак детства, — пробубнила недовольно.

Обряд тем временем завершался. Бабушка коснулась по-сохом земли, хранительница Эвиндаэлей провела ладонью над серебряными метками, и свет в круге мягко погас. Гости зашептались, потом раздались звонкие аплодисменты. Лайрен поцеловал Элианну в лоб, и по толпе прокатился умиленный вздох.

Я тоже искренне хлопала, потому что брат был счастлив, а я, несмотря на весь свой дурной характер (и сотую попытку пережить неприличные песни про фей), умела радоваться за тех, кого люблю. Правда, радость слегка портилась пониманием, что сейчас начнется вторая часть любого обряда: поздравления, разговоры, напитки из ручья, родственники, вопросы об учебе, вопросы о планах, вопросы, которые начинаются словами «а ты не думала...» и заканчиваются желанием сбежать в лес.

А еще где-то в толпе стоял Тайрен Эвиндаэль, и, судя по его лицу, он тоже не собирался упускать вечер.

Прекрасно.

— Прошу гостей к столам! — торжественно объявила те-тушка Мирена таким голосом, будто не приглашала нас есть, а распределяла выживших после осады.

И вот тут началось настоящее испытание предвечернего обряда, потому что клятвы, серебряные метки и родовые символы — это, конечно, красиво, возвышенно и почти заставляет поверить в древнюю силу любви. Но потом приходит момент, когда все эти возвышенные люди с сияющими крыльями, благородными лицами и семейными гербами начинают искать, где сесть, кто кому родственник, почему кузина Лиора опять рядом с пирогами, и кто посмел поставить дядю Ронвея близко к настойке.

Столы накрыли в саду, под длинным навесом из белого полотна и живых лоз. Смотрелось все до неприличия красиво: светляковые фонари, серебряные чаши, блюда с ягодами, тонкие лепешки, запеченные грибы с пряной пылью, медовые рулеты, зелень в таких аккуратных пучках, будто ее причесывали перед подачей. Напитки, разумеется, победоносно охлаждались в ручье, потому что магический охладитель, как выяснилось, был слишком «городским», «бездуховным» и «сомнительным с точки зрения вкусовой памяти рода». Я не знала, что такое вкусовая память рода, но подзревала: это когда ты пьешь теплый морс и делаешь вид, что так и задумано предками.

Я попыталась протиснуться к Лайрену, чтобы поздравить

его по-сестрински, то есть сказать что-нибудь вроде: «Ты выглядишь счастливым, не испорти все», но брат, как и следовало ожидать, находился в состоянии полного эмоционального отключения от внешнего мира. Он видел только Элианну. Возможно, еще ее запястье с серебряной меткой. Все остальное, включая родню, еду, свадебные ленты, меня и потенциальное падение метеорита, для него временно перестало существовать.

— Лайрен! — позвала я, приподнявшись на носки.

Брат улыбнулся Элианне.

— Лайрен! — повторила я громче.

Тот что-то тихо сказал Элианне, и она засмеялась. Я могла бы прямо сейчас загореться синим пламенем, исполнить гимн Зеленых Сумерек задом наперед и упасть в салат, а он, вероятно, нежно спросил бы у невесты, не дует ли ей от ручья!

— Он тебя не слышит, — заметила бабушка Айвена, появившись рядом с чашей ягодного настоя. — У него временное любовное оглушение.

— Это лечится?

— Браком. Иногда усугубляется детьми.

Я скривилась и уже собиралась обойти стол с другой стороны, но меня остановила одна из кузин Эвиндаэлей, вежливо сообщившая, что места распределены согласно родовым линиям, степени близости к молодым, возрасту, ветвям и «гармонии воздушного баланса».

— А если я сяду туда, где есть пирожки?

Она моргнула.

— Но там линия старших родственников.

— У старших родственников прекрасный вкус.

— Фарелия, — возникла за спиной мама тем тоном, после которого в детстве становилось понятно: бежать поздно. — Твое место там.

Она указала рукой. Я посмотрела и поняла, что судьба, видимо, не просто имела чувство юмора. Она была хамкой!

Мое место находилось за длинным столом, ближе к середине, между какой-то дальней тетушкой со стороны Эвиндаэлей и пустым стулом, на который уже небрежно опирался локтем Тайрен — рыжая макушка, наглая рожа, как будто кто-то решил: «Давайте дадим этому фейрину внешность, от которой невозможно честно отвернуться, и характер, за который его захочется столкнуть в ручей».

Я остановилась. Тайрен поднял взгляд и улыбнулся так, будто ждал именно этого момента всю свою бесполезно красивую жизнь.

— О, — протянула я. — Вижу, гармония воздушного баланса сегодня решила меня добить.

— Фарелия Морган, — Тайрен чуть склонил голову. — Все ещеходишь в помещение так, будто *оно должно было подготовиться?*

— А ты все еще сидишь так, будто стул получил честь тебя выдерживать?

Он усмехнулся, но не обиделся. Такие, как Тайрен, не обижаются. Они получают удовольствие от обмена колкостями, потому что в детстве, вероятно, вместо сказок им читали сборник «Как раздражать людей».

— Садись, — предложил он, отодвигая соседний стул. — Не бойся, я не кусаюсь.

— Тебя плохо воспитывали, если ты считаешь это достоинством.

Я села, стараясь выглядеть, будто происходящее меня совершенно не волнует. На самом деле внутренне я уже пересчитывала варианты побега. Через левый проход — тетушка Мирена, через правый — группа Эвиндаэлей с идеальными осанками, прямо — стол, назад — мама, которая одним взглядом могла вернуть меня на место лучше любого удерживающего заклинания.

Эх, сюда бы Флорика...

Флорик, симбиот из ловенхольмской теплицы, конечно, был еще тем типом и однажды пытался ухватить Кая за рукав так страстно, что мы потом целый час обсуждали его эмоциональные границы. Но он, по крайней мере, мог разогнать скуку смертную. Чуть шипения, пара дерганий ветками, один драматичный выпад в сторону гостя — и вот уже вечер оживает, родственники перестают спрашивать про учебу, а тетушка Мирена наконец использует свой командный голос по назначению.

— Признаюсь, я удивился, что ты приехала, — лениво на-

чал Тайрен, наливая себе настой. — Думал, академия окончательно поглотила тебя вместе с городскими привычками.

— Как видишь, не поглотила. Выплюнула на свадьбу брата.

— Какая самоотверженность, — мужчина притворно вздохнул. — Ты ведь так любишь дом, что решила уехать учиться и жить в общежитии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.